

Гермиона хихикнула: «Как я уже сказала, иронично — я не сплю и смотрю фейерверк по телевизору. В отеле есть спутниковое телевидение, так что через пару часов я смогу увидеть фейерверк Нью-Йорка».

«Ладно, я не понял и половины», — сказал Сириус, выглядя смущенным, пока нес поднос с чаем к столу в гостиной.

«Они устраивают огромные фейерверки на реке и показывают их по телевизору», — пояснила она, — «В отеле есть несколько американских новостных каналов, так что я смогу их посмотреть».

«Круто, я в настроении взрывать всякую всячину. Могу представить, что у каждого будет лицо моей матери. Можно мне тоже остаться и посмотреть?»

«Э-э... конечно, я не думала, что это тебе понравится, но если хочешь, будет весело», — сказала Гермиона.

«Великолепно». Он улыбнулся: «Но я пойду домой и переоденусь, я, возможно, выгляжу потрясающе, но эти мантии чертовски неудобные».

«Ты мудрый человек», — согласилась она. «Я тоскую по своей пижаме и тапочкам».

«Ладно, я скоро вернусь», — сказал Сириус.

Когда она скинула свои прекрасные, но болезненные туфли, он открыл французские двери, и она крикнула: «Принеси вина... и шоколада».

Он рассмеялся. «Как пожелаете, леди Фер».

11 июля

«Бродяга?» — крикнул Ремус, постучав в тяжелую дверь квартиры своего друга.

«Это ты, Лунатик?» — раздался голос Сириуса.

«Да» — ответил Ремус. Глупый вопрос, — подумал он. Честно говоря, если бы он был Пожирателем смерти, он бы, конечно, ответил «да».

Квартира Сириуса находилась в здании, принадлежащем маглам, над рядом магазинов в центре Лондона. Куда ни глянь, повсюду были модные маглы, в основном молодые, с разноцветными волосами и в несочетающейся одежде, Ремус должен был признать, что в этом

месте было что-то устрашающее, какими бы пугающими ни казались жильцы. Атмосфера была очень приятной. Он был уверен, что может носить свои мантии посреди дня в этой части Лондона и получать только один или два странных взгляда, потому что они не были достаточно рваными, с заклепками или булавками. Однако он не рискнул.

Ремус всегда старался оставаться незаметным, он был таким осторожным, Пожиратели Смерти становились такими сильными, он знал, что уже скоро они получат файлы в Министерстве. И тогда они придут и позовут. Образованный Оборотень. Они хотели, чтобы он усмирил стаю Сивого. Он просто знал, что это произойдет, он был защищен, как мог, дома, но он всегда чувствовал нервозность, думая о том, что люди пытаются обмануть его, заманить его. Заставить его жить с другими зверями, такими как он сам, с теми, от которых он сделал все, чтобы отделиться.

Но все было не так уж и мрачно, трудно быть слишком сентиментальным, когда у тебя есть безумные друзья — такие как Сириус Блэк. Как будто в доказательство этого, вопрос о подтверждении личности, который задал ему голос его друга, был самым нелепым, что Ремус слышал до сих пор.

«Сколько раз Сохатый приглашал Лили на свидание, прежде чем она сказала «да»?» — спросил Сириус, вырывая Ремуса из внутреннего ужаса.

«Что за черт?» — недоверчиво сказал он. «Бродяга, задай вопрос, на который может ответить разумный человек. Сомневаюсь, что даже Сохатый знает точное число».

«Он как раз знает». Сириус сказал: «Теперь я начинаю задаваться вопросом, не являешься ли ты замаскированным Пожирателем Смерти, настоящий Лунатик мог бы это выяснить». В его голосе было что-то забавное, подумал Ремус, веселье? Что еще.

«Мерлин, Бродяга, ты хочешь пойти или нет?»

«Не с самозванцем» — нахально ответил Сириус.

«Ради всего святого», — раздраженно вздохнул Ремус, он знал, что спорить со своим упрямым другом бесполезно, это займет больше времени, чем, если бы он просто попытался выяснить ответ.

«Ладно», — начал он, обдумывая это. «Так, может быть, раз или два в месяц на четвертом курсе... скажем, раз двадцать. Плюс раз в неделю на пятом, так что... эээ, боже, сорок? А на шестом году, вот когда он действительно взялся за дело... может, каждый второй день?»

Римус теперь считал на пальцах: «Сколько это... сто двадцать раз? Не считая праздников. Мерлин, он был псих». Римус пробормотал себе под нос: «Значит, сто двадцать плюс сорок, сто шестьдесят... сколько я снова сказал для четвертого года?»

Внезапно он услышал лающий смех своего друга-идиота. «Ты такой придурок, Бродяга! – О, погоди... Я знаю – двадцать... Так что скажем, сто девяносто, просто для надежности, потому что я знаю, что по крайней мере дважды он спрашивал на третьем году».

«Неплохо, Лунатик», – раздался хихикающий голос Сириуса. «Сто девяносто восемь. Сохатый был на самом деле разочарован тем, что она не сказала «да» на двухсотой попытке, он думал, что так будет поэтичнее. Какой же он мудак.»

'Точно как кто-то другой, кого я знаю.' Пробормотал Ремус.' Сколько раз я задавался вопросом, почему я дружу с тобой?' Спросил его Ремус.

'Слишком просто, Лунатик! Никогда!' Дверь открылась.

Ремус покачал головой, глядя на ребенка, запертого в теле мужчины перед ним. 'Это неверно.' сказал он строго. 'Но, к сожалению, даже я не знаю правильного ответа. Видишь ли, я не могу вспомнить каждый наш разговор. Потому что я думаю так каждый раз.'

Сириус принял обиженное выражение. 'Ты же знаешь, что не это имел в виду.'

Ремус покровительственно улыбнулся ему. 'Нет, это было преувеличение, это, вероятно, только каждый второй разговор.'

'Блестяще,' рассмеялся Сириус, 'значит, только половину времени.'

«Поторопись, тупица, я же сказал Хвосту, что мы будем там к трем».

Ремус повернулся и повел его обратно по короткому коридору здания и вниз по узкой лестнице. Когда Сириус догнал его, он, казалось, потерял свое веселое настроение. «Ну как идет проникновение в семью?»

«Довольно неплохо», — сказал Сириус, засунув руки глубоко в карманы, и они быстро зашагали по тропинке к переулку, который Сириус использовал для трансмиграции. «Мы ужинали на прошлых выходных, старуха приняла мои извинения. На самом деле я хотел сказать, давай не будем упоминать об этом Петтигрю или о чем-либо еще, связанном с Гермионой. Ты же знаешь, какой он. Не сможет сохранить историю в тайне, если кто-нибудь спросит».

Ремус подумал: «Это правда... может, тебе стоит сказать ему ложь, тогда, если его спросят об этом, он скажет то, что ты хочешь, чтобы люди думали. Для него это гораздо безопаснее».

Сириус выглядел немного удивленным. «Хорошая идея, Луни».